

Рустамов Руфат Ашраф оглы, Гаджиева Бановша Нияз кызы

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ МОДЕЛЕЙ СЛОВСОЧЕТАНИЙ "НАРЕЧИЕ + ГЛАГОЛ" В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Учение о словосочетании в турецком языке представляет собой весьма сложную многоаспектную лингвистическую проблему. До сих пор не был объектом специального исследования синтаксис глагольных словосочетаний, занимающих особое место среди других типов сочетаний слов в связи со сложностью структуры, богатством грамматических значений и широкой распространенностью. Мы считаем, что определение места и грамматической природы глагольных словосочетаний, а также специальное и углубленное рассмотрение структурных типов глагольных словосочетаний и описание их грамматических значений являются весьма актуальными проблемами турецкого языкознания. В этой статье на основе фактических материалов турецкого языка предоставлена общая характеристика этой группы словосочетаний, выявлены и описаны их модели, определены способы и средства связи сочетающихся слов в каждой модели, установлены смысловые отношения, складывающиеся между компонентами глагольных словосочетаний, подвергнуты подробному анализу их грамматические значения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 153-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.161

Учение о словосочетании в турецком языке представляет собой весьма сложную многоаспектную лингвистическую проблему. До сих пор не был объектом специального исследования синтаксис глагольных словосочетаний, занимающих особое место среди других типов сочетаний слов в связи со сложностью структуры, богатством грамматических значений и широкой распространенностью. Мы считаем, что определение места и грамматической природы глагольных словосочетаний, а также специальное и углубленное рассмотрение структурных типов глагольных словосочетаний и описание их грамматических значений являются весьма актуальными проблемами турецкого языкознания. В этой статье на основе фактических материалов турецкого языка предоставлена общая характеристика этой группы словосочетаний, выявлены и описаны их модели, определены способы и средства связи сочетающихся слов в каждой модели, установлены смысловые отношения, складывающиеся между компонентами глагольных словосочетаний, подвергнуты подробному анализу их грамматические значения.

Ключевые слова и фразы: синтаксис; глагольные словосочетания; турецкий язык; адвербиализация; наречие.

Рустамов Руфат Ашраф оглы, д. филол. н., профессор
Гаджиева Бановша Нияз кызы, к. филол. н.
Бакинский государственный университет
b.hacıyeva@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ МОДЕЛЕЙ СЛОВСОЧЕТАНИЙ «НАРЕЧИЕ + ГЛАГОЛ» В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном турецком литературном языке одним из основных форм глагольных словосочетаний являются модели словосочетаний «наречие + глагол», в которых главное слово выражается одним из неличных форм глагола, т.е. инфинитивом, причастием или же деепричастием. В таких словосочетаниях если главный компонент выражается одним из неличных форм глагола, то в роли зависимого слова употребляются разные разряды наречий.

Лексические отношения между компонентами моделей словосочетаний «наречие + глагол» в современном турецком литературном языке определяются в соответствии с семантикой первого компонента. В тюркологии, в том числе и в турецкой лингвистике, существуют разные точки зрения в отношении наречия как части речи. Наречие как отдельная часть речи не рассматривалась в некоторых случаях тюркскими языковедами. Это, в свою очередь, привело к полному отрицанию моделей «наречие + глагол». Исходя из этого, мы хотели бы выразить наше мнение по этому вопросу, согласно исследованиям в тюркской лингвистике, прежде чем перейти к рассмотрению лексических взаимоотношений между компонентами вышеуказанных словосочетаний.

Следует отметить, что определение наречия как самостоятельной части речи остается спорным и актуальным по сей день в тюркском языкознании. Известный тюрколог Н. К. Дмитриев, ссылаясь на фразу в башкирском языке «*Yaхı bala yaхı ıxıu*» (*Хорошее дитя хорошо и учится (поет)*), пишет: «Нет оснований утверждать, что в первом случае слово *yaхı* является прилагательным, а во втором – наречием, так как независимо от синтаксической функции, которое это слово выполняет в предложении, в башкирском языке вышеуказанное слово является прилагательным» [6, с. 97].

Соответствующая точка зрения была представлена и Л. А. Покровской [9, с. 253; 10, с. 148]. Ссылаясь на материалы современного ногайского языка, М. Ф. Саруева считает целесообразным определение наречия на основе объединения семантических, морфологических и синтаксических принципов: «Конечно, тюркологии не правы в рассмотрении наречий на основе одного или двух признаков. Невозможно полностью охарактеризовать слово, приняв во внимание лишь тот или иной признак» [5, с. 267].

Татарский лингвист Ф. Ганиев считает, что употребление атрибутивных имен существительных перед именами существительными приводит к потере грамматических категорий данных слов и преобразования этих частей речи в имена прилагательные путем конверсии. То же самое происходит и с именами прилагательными, употребленными перед глаголом в роли обстоятельства, которые в свою очередь трансформируются в наречия по конверсии [4, с. 278-284]. Т. А. Бергатаев на основе материалов монгольского языка утверждает, что одно и то же слово если относится к имени существительному, то является прилагательным, а если связано с глаголом, то является наречием [3, с. 93]. В отличие от Т. А. Бергатаева, О. П. Суник упоминает, что любое слово может относиться лишь к одной части речи [12, с. 105]. Если Н. А. Баскаков, ранее опираясь на функциональный аспект, утверждал, что одно и то же слово может быть и прилагательным, и наречием, в соответствии с местом употребления [2, с. 204-205], то в более поздних исследованиях отвергает свою гипотезу [1, с. 235-236].

На наш взгляд, вопрос о возможности отнесения одного и того же слова к различным частям речи появился в языках с наиболее слабым морфологическим формированием (например, китайский, вьетнамский, лаосский и т.д.). Но нужно учесть, что О. П. Суник считает совершенно неправильным идею вероятности отнесения какого-либо слова к различным частям речи в языках со слаборазвитыми морфологическими

средствами. Далее он пишет, что: «В таких случаях исторический план смешивается с синхронным. Например, слово “*matui*” в татарском языке употребляется в трех значениях, но это не означает, что, оно в зависимости от места употребления, может быть прилагательным, существительным или же наречием» [12, с. 104].

И. И. Мещанинов, рассмотрев параллели между частями речи и членами предложения, а также связав происхождение, формирование и определение частей речи и членов предложения, пишет по этому вопросу: «Какое-либо слово, сохранившее в себе грамматические категории той или иной части речи, трансформируясь в другую часть речи, также сохраняет грамматические категории той части речи, к которой относится» [8, с. 247-248].

И. Т. Мамедов, в отличие от других лингвистов, ссылаясь на И. И. Мещанинова, пишет: «Слова с одинаковой формой и лексическим значением (например, *yaхşı* (*хороший(-о)*), *pis* (*плохой(-о)*), *duzlu* (*соленый*)), если определяют имя существительное, являются прилагательными, а если же определяют глаголы, то выступают в роли наречий» [21, s. 10].

Известный азербайджанский тюрколог Т. И. Гаджиев, исследовавший наречия на фоне исторического развития языка, пишет, что основной грамматической семантикой наречия, характеризующей ее как часть речи, является выражение признака качества, действия или признака. Поскольку в философском смысле действие само по себе является признаком материи, грамматическая семантика части речи обобщается и оценивается как признак признака. Конечно, должны быть формальные показатели наречий в агглютинативном азербайджанском языке. Тем не менее, конкретных формальных показателей наречий в азербайджанском языке очень мало, что не отрицает лексико-грамматическое определение этих частей речи. Наоборот, в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском языке, морфологические показатели наречий по сравнению с нынешним периодом более активны в связи с исторически развитой агглютинацией в этих языках. Ссылаясь на средневековые письменные памятники азербайджанского языка, в которых имеются образцы трансформации прилагательных в наречия, можно утверждать, что этот процесс непосредственно связан с историей развития языка [19, s. 179].

Надо отметить, что неоспоримым является тот факт, что движение является признаком материи. Однако в определении семантики наречий данное суждение не оправдывает себя. Корреляция аналитизма с синтетизмом, агглютинации и флектизма или образование аморфности отмечается в теоретической лингвистике, что можно считать обычным явлением. Но агглютинация никогда не может сопротивляться аналитизму. Например, аналитизм сильно развит как в современном английском, так и в малайском языке. Но известно также, что английский язык относится к группе флективных языков, а малайский язык относится к группе агглютинативных языков. Следовательно, в этом случае понятия смешиваются и не сопоставимы друг с другом. Учитывая все вышеуказанное, можно сказать, что суждение об исторически развитой продуктивности суффиксов, образующих наречия, не может быть оправдано. В древних тюркских языках более четко проявляются признаки аморфности, вследствие чего нельзя говорить о морфеме-окончании или морфеме-суффиксе в аморфных структурах.

Прежде чем перейти к рассмотрению глагольных словосочетаний, следует отметить, что выражение «выступать в качестве наречий» может подразумеваться в разных смыслах, вследствие этого трудно будет определить глагольные словосочетания, образованные от глаголов и наречий. Другими словами, под выражением «выступать в качестве наречий» не нужно иметь в виду функции обстоятельства. Поскольку все имена существительные со значением пространственности в предложении могут выступать в качестве обстоятельство места. В этом случае мы должны представить глагольные словосочетания, образованные от глаголов и существительных, моделями «глагол + наречие», в то время как они являются моделями «глагол + существительное». Учитывая все это, Ю. М. Сеидов пишет: «Нет абсолютной позиции лингвистов в том, что выражение значений места, времени, образа действия, признака, а также времени, места, образа действия и признака действия присуще лишь наречию. Одни и те же лексико-грамматические значения могут быть присущи всем знаменательным частям речи, кроме глагола: именам существительным, прилагательным, местоимениям, числительным и наречиям. В связи с этим мы хотим довести до внимания читателя, что выражение “выступать в качестве наречий” можно отнести к тем словам, которые в этой позиции более или менее не употребляются в истинном значении, тем самым употребляясь в переносном значении, приобретают значение неопределенности, что и приводит к разногласию мнений по поводу их отнесения к той или иной части речи. Например, так же, как и в тюркских языках, в том числе и азербайджанском языке слово “*yaхşı*” (*хороший*) является прилагательным, независимо от грамматико-семантической позиции. Но нельзя отрицать и тот факт, что это слово в словосочетаниях “*yaхşı oxitmaq*” (*хорошо читать*) и “*yaхşı kitab*” (*хорошая книга*) может быть употреблено в одинаковом значении. Т.е. в обоих случаях лексическая основа слова одинакова, не меняет свой основной смысл, обуславливающий ее как самостоятельной лексической единицы. В словосочетании “*yaхşı oxitmaq*” (*хорошо учиться*) вышеуказанное слово не приобретает новый признак, на основе которого можно было бы принять за лексическую единицу. Но, тем не менее, нельзя сказать, что в этом же словосочетании данное слово не подверглось изменению лексического смысла. В данном случае оно выражает абстрактность, процесс отдаления от предмета. Отсюда исходят и разногласия по поводу таких типов слов. Таким образом, и мы не хотели бы отнести слова этой группы, т.е. употребленные в вышеуказанных функциях, к разрядам наречий в компонентах словосочетаний моделей “наречие + глагол”. То же самое можно сказать и о словах “*çox*, *az*, *xeylî*” (много, мало, немало и т.д.)» [26, s. 374].

1. Между компонентами глагольных словосочетаний, выраженных наречием и одной из неличных форм глагола, существует такой вид подчинительной связи, как примыкание. Другими словами, наречия, выступающие в роли первого компонента, примыкают ко второму компоненту, выраженному одной из неличных форм глагола, вследствие чего появились и многочисленные структурно-семантические типы словосочетаний

моделей «глагол + наречие». Как мы уже отмечали ранее, в таких словосочетаниях существует два типа примыкания: полное и неполное. Модели с полным примыканием состоят лишь из двух компонентов. А в моделях с неполным примыканием могут быть использованы и другие лексические единицы. Тем не менее, эта функция не влияет на характер глагольного словосочетания. Это можно четко увидеть в нижеуказанных примерах из современного турецкого литературного языка.

1.1. В этих примерах между компонентами существует полное примыкание:

(1) *Mahmudabad'dan ayrılırken geride bıraktıkları yıkıntı ve cesetler, onlara yanlış duymadıklarını ispat ediyordu* [18, s. 54]. / Крушения и трупы, которые они оставили в Махмудабаде, свидетельствовали о правде услышанного. (Здесь и далее перевод Н. Я. Мамедовой.)

(2) *Elleri cebinde, merdivenlerden yukarı tırmanırken, Taner'in kendini yukarıdan kuşbakışı izlediğini ve kulaklarını patlatacak derecede kahkaha atarak kendisiyle alay edeceğini zannetti* [28, s. 186]. / Когда он поднимался по лестнице, засунув руки в карман, он представил себе Танера, который смотрел на него с высоты птичьего полета и, издеваясь, смеялся над ним так, что гремело в ушах.

1.2. В нижеследующих примерах между компонентами словосочетаний частичное примыкание:

(3) *Genç, başını önüne sarkıttı ve kafasının içinde ansızın bir gözyaşı guddesi patlamış gibi gözlerinden yaşlar boşaldı* [24, s. 17]. / Молодой человек опустил голову вниз, и слезы потекли из его глаз, словно взорвалась слезная железа.

(4) *Dedesinin omuzundan ekrana bakan Fitnat, Selcen'i bir şeyden habersiz Gülsarı ile uğraşırken görünce kulaklarına kadar kızardı* [27, s. 37]. / Фитнат, смотрящая на экран из-под плеч своего деда, покраснела до ушей, увидев Сельджен вместе с Гюльсары в процессе совершения действия. И т.д.

1.3. Не во всех случаях компоненты глагольных словосочетаний моделей «наречие + глагол» примыкают друг к другу. Иногда эти словосочетания бывают связаны и другим видом подчинительной связи – управлением. Известно также, что в этих соединениях возможны объектно-релятивные отношения. Главной особенностью данного вида подчинительной связи является то, что в них зависимый компонент употребляется в форме, определяемой лексико-грамматическими свойствами главного слова, а именно: главное слово требует постановки зависимого в определенном падеже. Зависимое слово при этом – имя существительное или любая другая субстантивированная часть речи. Следует отметить, что в отличие от глагольных словосочетаний с объектными отношениями, в глагольных словосочетаниях с релятивным отношением присутствие или отсутствие падежных аффиксов никак не влияет на их характер. Ниже приведены примеры словосочетаний с видом подчинительной связи – управлением. Например:

(5) *Hizmetçi kadın, başını öne eğip, Pervin'in önünden uzaklaşırken sadece bir cümle söyleyebildi* [17, s. 152]. / Женщина-прислуга, склонив голову вниз, смогла вымолвить лишь одно предложение, отдаляясь от Первин.

(6) *Gece vakti sokaklarda orda burda gezip tozarken, ardında bekleyenlerin meraklanacağını hiç düşünmüyormusun* [Ibidem, s. 130]? / Бродя ночью по улицам то там, то тут, ты даже и не думаешь о тех людях, которые ждут тебя. И т.д.

Как мы уже упоминали выше, в лингвистике наречие считается неизменяемой частью речи. В индоевропейских языках, на которые все чаще ссылаются языковеды, наречия сохраняют в себе это свойство. Но в тюркских языках, в том числе и современном турецком, четко проявляются видоизменения наречий, т.е. их склонение. В вышеприведенных примерах слова «*öne, orda, burda, geriye, yanına*» (вперед, там, здесь, назад, рядом) хотя и являются наречиями, но употреблены в дательном и творительном падежах. Следует обратить внимание на то, что падежные окончания в наречиях места используются в парадигматическом значении. В смысловом отношении нет никакой разницы между словосочетаниями «*geri döndüklerinde*» и «*geriye döndüklerinde*» (когда они вернулись). В таких словоформах лексическое значение, выраженное падежными аффиксами, содержится в семантике наречия. Ю. М. Сеидов, ссылаясь на такие примеры, пишет: «Основная роль вышеупомянутых наречий состоит в выражении различных аспектов направления. Но многокрасочная и сложная человеческая речь не вмещается в сформированный и стабилизированный комплекс законов, тем не менее, всегда имеются несистематические отклонения от законов (примечания). То же самое происходит и с наречиями при их склонении. В таких примерах, как “*irâli getmek (идти вперед), irâli gâlmek (выйти вперед), irâli baxmaq (смотреть вперед, ждать с нетерпением)*” усмотрены все законы языка, в то время как в словосочетаниях “*irâlidân keçmek (проходить сзади), irâlidân baxmaq (смотреть сзади), görünmek (увидеть сзади), irâlidâ dayanmaq (стоять впереди)*” с первого момента кажется, что это непонятный набор слов, хотя и доступно такое применение комбинаций слов. Все это позволяет нам сказать, что склонение наречий происходит не систематически» [25, s. 377].

Что касается склонения некоторых наречий места и времени, хотя и несистематического склонения, то можно предположить, что эти группы слов пока не адвербиализировались, т.е. полностью не перешли в класс наречий. Наряду с вышеупомянутым также следует отметить, что в таких глагольных словосочетаниях, где наречия, выступающие как первый компонент комбинаций временно-пространственных отношений, принимая падежные аффиксы и будучи употребленным в какой-либо падежной форме, не примыкают ко второму компоненту, между этими компонентами употребляется другой вид подчинительной связи – управление.

Между компонентами моделей словосочетаний «наречие + глагол» возможны релятивные отношения (обстоятельственные отношения). В таких словосочетаниях главному слову приписаны какие-то дополнительные признаки, характеристики или ограничения, называемые зависимым словом, являющимся обстоятельством. Поэтому необходимо пересмотреть классифицированные лингвистами различные группы таких

глагольных словосочетаний. Так, Ю. М. Сеидов утверждает, что в таких словосочетаниях присутствуют временные, пространственные и качественные отношения [Ibidem, s. 373-378]. Известный азербайджанский ученый Г. Ш. Кязимов считает, что они связываются между собой временными, пространственными, причинно-следственными, условными и качественными отношениями [20, s. 61]. А. Турсунов, исследовавший глагольные словосочетания в киргизском языке, указывает на временные, пространственные и качественные отношения и отмечает, что в киргизском языке очень мало глагольных словосочетаний с причинно-следственными отношениями между словами [14, с. 14]. На основе материалов башкирского языка Д. С. Тикеев утверждает, что между компонентами релятивных глагольных комбинаций возможны качественные, временные, пространственные, сравнительные и причинно-следственные отношения [13, с. 11].

Отметим, что столь многочисленная классификация лексических отношений в релятивных глагольных словосочетаниях на одном или нескольких языках, указанная исследователями, основывается на субъективных суждениях лингвистов, а не на фактических материалах языка.

2. В глагольных словосочетаниях моделей «наречие + глагол» в современном турецком литературном языке, первый компонент, в роли которого выступает наречие, характеризует второй компонент, в роли которого выступают неличные формы глагола как инфинитив, причастие и деепричастие. В этом смысле, лексические отношения между компонентами данного типа словосочетаний могут быть сгруппированы следующим образом.

2.1. Первый компонент выражает образ действия второго компонента. Другими словами, между компонентами в этих словосочетаниях существуют качественные отношения. Первый компонент в словосочетаниях выражается лексическими единицами, определяющими образ действия. Например:

(1) *Annesi ve babası böyle düşünürken İlhami odasına çekilmiş, çocuklar gibi ağlıyordu sessiz sessiz* [17, s. 146]. / В то время, как мать и отец Ильхами мыслили таким образом, он удалился в свою комнату и тихо плакал, как ребенок.

(2) *Duymamış gibi sessiz yürürken durup döndü Doktor Nahit* [28, s. 181]... / Доктор Нахит, который ходил спокойно и делал вид, что ничего не слышал, вдруг отвернулся.

(3) *Odanın kapısı birdenbire açılınca, Orhan iyice anladı ki, iş işten geçmiştir* [24, s. 52]. / Когда внезапно открылась дверь комнаты, Орхан понял, что там что-то произошло. И т.д.

В семантических типах этих глагольных словосочетаний в современном турецком литературном языке в качестве первого компонента употребляются такие слова, как: *serbest* (свободный(о)), *sürekli* (постоянный(о)), *iyi* (хороший(о)), *güzel* (красивый(о)), *yavaş yavaş* (много), *damla damla* (мало, капля за каплей), *kırır kırır* (беспокойно), *öyle, böyle* (так, таким образом), *tesadüfen* (случайно), *özene bezene* (тщательно), *çabuk* (быстро), *ağır* (тяжелый(о)) и т.д. Эти лексические единицы на ранних стадиях развития турецкого литературного языка сформировались как наречия, позднее адвербиализировались, перейдя в класс наречий из разных частей речи. В этом отношении в современном турецком языке их рассматривают в категории наречий. Хотя вышеуказанное слово «*kırır kırır*» и является подражательным словом, но по своей синтаксической позиции его следует рассматривать как наречие.

2.2. Первый компонент выражает время совершения действия второго компонента. В структурно-семантических комбинациях этого типа релятивных глагольных словосочетаний в роли первого компонента выступают лексические единицы, выражающие время. Например:

(4) *Otele gelince, dün uğrayıp beni soran Doktor Nahit adlı kişinin pusulasını verdiler resepsiyonda* [28, s. 1]. / Как только я приехал в отель, меня проинформировали о человеке по имени Нахит, который вчера расспрашивал про меня в ресепшине отеля.

(5) *İşten çıkıp akşamleyin eve dönerken, bütün düşüncelerin uzlaştırılabileceği bir orta yolun bulunduğu inanıyordum* [16, s. 195]. / Когда я возвращался домой с работы, я подумал и пришел к выводу, что можно согласоваться и найти выход.

(6) *Gene Haseki'de az sonra başından geçebilecek utançverici sahneleri düşünerek terledi* [23, s. 35]. / Опять он подумал о тех позорных сценах, которые произойдут в Хасеки несколько позже, и вспотел. (Перевод Б. Н. Гаджиевой.)

Отметим, что в качестве первого компонента в вышеуказанном типе релятивных глагольных словосочетаний в современном турецком литературном языке употребляются такие слова, как: *gündüz* (днем), *akşam* (вечером), *sabahleyin* (утром), *sonra* (потом), *hemen* (сразу), *önce* (до того, как; прежде, чем), *senelerce* (годами) и т.д. Большая часть этих слов является наречиями, которые в процессе развития языка далее проходили этапы адвербиализации.

2.3. Первый компонент выражает место совершения действия второго компонента. Другими словами, в этих типах между компонентами возможны пространственные отношения. Например:

(7) *Aşağı inip tepsiyi mutfığa bıraktığında kapının zili çalınca, yüregi sanki hiç beklemediği biçimde çarpmaya başladı birden* [28, s. 186]. / Когда она спустилась на кухню, чтобы положить поднос, позвонили в дверь, и ее сердце забилося в бешеном ритме. (Здесь и далее перевод Н. Я. Мамедовой.)

(8) *İçeri girdiğinde, masalardaki kızlı erkekli grupları şöyle inceden inceye süzdü belli etmeden* [17, s. 242]... / Когда он вошел внутрь, он незаметно рассмотрел группы девушек и парней, которые сидели за столом. И т.д.

В качестве первого компонента таких словосочетаний в современном турецком литературном языке употребляются такие слова, как: *yer* (место, пространство), *aşağı* (вниз), *yukarı* (вверх), *ileri*, (вперед), *geri* (назад), *içeri* (внутри), *dışarı* (наружу), *karşı* (напротив), *sağda* (справа), *solda* (слева), *orda* (там), *burda* (здесь), *buraya* (сюда) и т.д. Некоторые из них являются собственно наречиями, а остальные по мере развития

языка перешли в класс наречий из других частей речи, т.е. адвербиализировались, и в синтаксической позиции выступают в качестве наречий.

Следует обратить внимание на некоторые наречия, которые выступают в качестве первого компонента в таких структурно-семантических типах словосочетаний. Тюркологи утверждают, что в таких словах, как *ileri* (вперед), *yukarı* (вверх), *dışarı* (наружу), *içeri* (внутри), утвердились аффиксы древнетюркского направительного падежа (в тюркских языках дательный падеж указывает на объект, в направлении к которому производится действие). Аффикс древнетюркского направительного падежа «-*qaru*», как отмечают тюркологи, является сложным, т.е. составным аффиксом. По их мнению, он состоит из двух аффиксов дательного падежа [7, с. 324; 11, с. 47; 22, с. 110-111].

Известный лингвист А. З. Абдуллаев, исследовавший этимологию тюркских наречий, пишет, что «наречие “*qarşı // karşı*” (напротив), вероятно, состоит из объединения двух морфем – *qara- su*, где “*qara*” обозначает “посмотри”, “-*ş*” является аффиксом совместного залога и “-*u*” – аффиксом деепричастия» [15, с. 199].

2.4. Первый компонент выражает качество совершения действия второго компонента. Другими словами, в этих типах между компонентами возможны качественные отношения. В этих словосочетаниях в качестве первого компонента выступают слова, выражающие качество, образ совершения действия.

(9) *Ne var ki, polisın biri, bu uzun süren kucaklaşmadan oldukça şüphelenerek, geri döndü* [17, с. 110]. / Однако один из полицейских, подозревая, что они слишком долго обнимались, усомнился и вернулся.

(10) *Çok sevdiğim salatayı bile // Aramaz mı olacaktım* [29, с. 55]? / Неужели я даже не вспоминал о салате, который я обожаю. (Перевод Б. Н. Гаджиевой.)

В релятивных глагольных словосочетаниях из-за отсутствия объектных отношений между компонентами, одна из личных форм глагола-причастия, деепричастия или масдары, употребленных в качестве главного слова, могут быть выражены переходными или непереходными глаголами. В таких словосочетаниях употребление того иного разряда наречий зависит от семантики глагола, т.е.:

а) если первый компонент состоит из наречий образа действия, то второй компонент выражается переходными глаголами. Например:

(11) *Biraz düşününce ısınmaya başladı ona* [28, с. 295]. / Немного подумав, она начала привыкать к нему. (Здесь и далее перевод Н. Я. Мамедовой.)

(12) *Oğlum sana zahmet, haydi fazla beklemeden gidelim* [17, с. 108]. / Сынок, пожалуйста, давай пойдем, не надо столько ждать. И т.д.;

б) иногда если первый компонент состоит из наречий образа действия, то второй компонент может быть выражен непереходными глаголами. Например:

(13) *...Kadıncağız, gördüğü ve yaşadığı iğrenç manzaralardan nefret ediyor, kaç kere bu yerden ayrılıp başka bir yerde hizmetçilik etmek istiyor ama, iş bulamayınca sabredip katlanıyordu* [Ibidem, с. 125]... / Бедная женщина ненавидела отвратительные и прожитые ею ситуации, каждый раз она хотела уйти и стать прислужгой в другом месте, но, не найдя ничего подходящего, она покорно смирялась.

(14) *Talat Amcam söylerdi; bir yaramazlıklarını görüp kızdığına biraz bağırarak, «Böyle yapmasan olmazdı değil mi?» en ağır sözüymüş çocuklarına* [28, с. 271]. / Дядя Талат все время говорил, что самым жестким обращением его к своим детям, когда он злился на них, увидев их непокорство, были слова: «А нельзя было не делать этого?» И т.д.

Подытожив вышеуказанное, можно сказать, что среди глагольных словосочетаний моделей «наречие + глагол» наиболее продуктивным типом являются те словосочетания, в которых первым компонентом выступают наречия образа действия, а в качестве второго компонента употребляется одна из неличных форм глагола. В таких словосочетаниях выражение причастием, деепричастием, либо масдаром (неопределенной формы глагола) второго компонента никак не влияет на грамматические и семантические отношения между компонентами словосочетаний. Обычно в таких словосочетаниях второй компонент либо выражается деепричастием на «-*ip*⁴», либо причастием на «-*an*²», либо же масдаром. Менее продуктивными по сравнению с глагольными словосочетаниями с наречиями образа действия считаются словосочетания, в которых первый компонент выражен наречием времени, хотя этот вид словосочетаний превышает глагольные словосочетания с наречиями места и количества, что напрямую связано не столь большим количеством данного семантического разряда наречий. В таких словосочетаниях в качестве второго компонента используется деепричастие на «-*ip*⁴». На основе материалов, извлеченных из художественной литературы, можно утверждать, что в синтаксическом строе современного турецкого литературного языка этот тип словосочетаний занимает сравнительно малое место.

Список литературы

1. Баскаков Н. А. Двойственная природа слова и проблема частей речи (на материале тюркских языков) // Вопросы теории частей речи. М.: Наука, 1963. С. 230-242.
2. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык: в 2-х т. М.: Издательство АН СССР, 1952. Т. II. Фонетика и морфология. 544 с.
3. Бертагаев Т. А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 80-99.
4. Ганиев Ф. А. К вопросу о классификации частей речи в современном татарском языке (на материале существительных, прилагательных и наречий) // Вопросы тюркологии. Баку: Элм, 1971. С. 274-284.
5. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1971. 320 с.

6. **Дмитриев Н. К.** Грамматика башкирского языка. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1948. 276 с.
7. **Котвич В.** Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 371 с.
8. **Мещанинов И. И.** Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 387 с.
9. **Покровская Л. А.** Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.
10. **Покровская Л. А.** Имя прилагательное // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. С. 148-161.
11. **Рамстедт Г.** Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 254 с.
12. **Сунник О. П.** О частях речи в тунгусо-маньчжурских языках // Вопросы составления описательных грамматик. М.: Наука, 1961. С. 97-110.
13. **Тикеев Д. С.** Структурные типы словосочетаний в современном башкирском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. / Башкирский государственный университет. Уфа, 1974. 25 с.
14. **Турсунов А.** Глагольные словосочетания в киргизском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. Алма-Ата: Институт языка и литературы АН Республики Киргизия, 1991. 47 с.
15. **Abdullayev Ə. Z.** Azərbaycan dili məsələləri. Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 1992. 329 s. (Абдуллаев А. З. Проблемы в азербайджанском языке. Баку: Издательство Бакинского университета, 1992. 329 с.)
16. **Atay Oğuz.** Tutunamayanlar. İstanbul: İletişim yayınları, 2007. 724 s. (Атай Огуз. Проигравшие. Стамбул: Илетишим, 2007. 724 с.)
17. **Bolat Ünal.** Ayrılık olmasaydı: roman. İstanbul: Nesil yayınları, 2002. 247 s. (Болат Юналь. Если бы не разлука: роман. Стамбул: Несил, 2002. 247 с.)
18. **Çamuroğlu Reha.** İsmail: roman. İstanbul: Om yayınevi, 1999. 426 s. (Чамуроғлы Реха. Исмаил: роман. Стамбул: Ом, 1999. 426 с.)
19. **Насиёв Т. İ.** Zərf // Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 1990. S. 179-194. (Гаджиев Т. И. Наречие // Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку: Бакинский университет, 1990. С. 179-194.)
20. **Kazimov Q. Ş.** Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. Bakı: Ünsiyyət nəşriyyatı, 2000. 496 s. (Кязимов Г. Ш. Современный азербайджанский язык. Синтаксис. Баку: Унсийет, 2000. 496 с.)
21. **Məmmədov İ. T.** Morfologiyaya giriş // Müasir Azərbaycan dili. Bakı: Elm nəşriyyatı, 1980. II cild. Morfologiya. S. 5-12. (Мамедов И. Т. Введение в морфологию // Современный азербайджанский язык. Баку, 1980. Т. II. Морфология. С. 5-12.)
22. **Muharrem E.** Türk Dilbilgisi. İstanbul: İstanbul yayınları, 1967. 386 s. (Мухаррем Ергин. Турецкая грамматика. Стамбул: Стамбул, 1967. 386 с.)
23. **Pamuk Orhan.** Cevdet Bey ve Oğulları, İletişim yayınları, İstanbul, 1998, 616 s. (Памук Орхан. Джевдет бек и сыновья. Стамбул: Илетишим, 1998. 616 с.)
24. **Safa Peyami.** Bütün romanları. Biz İnsanlar. İstanbul: Ötügen yayınları, 1999. 426 s. (Сафа Пеями. Полное собрание сочинений. О нас, людях. Стамбул: Отюкен, 1999. 426 с.)
25. **Seýidov Y.** Azərbaycan dilində söz birləşmələri. Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 1992. 408 s. (Сеидов Ю. Словосочетания в азербайджанском языке. Баку: Бакинский университет, 1992. 408 с.)
26. **Seýidov Y.** Azərbaycan dilinin qrammatikası. Morfologiya: nəzəri kurs. Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2000. 403 s. (Сеидов Ю. Грамматика азербайджанского языка. Морфология: теоретический курс. Баку: Бакинский университет, 2000. 403 с.)
27. **Şirin Orhan Seyfi.** Cennet Atları. İstanbul: Sanat İhtisas yayınları, 1996. 202 s. (Ширин Орхан Сейфи. Райские кони. Стамбул: Санат Ихтисас, 1996. 202 с.)
28. **Türkali Vedat.** Kayıp Romanlar. İstanbul: Everest yayınları, 2005. 631 s. (Тюркали Ведат. Исчезнувшие романы. Стамбул: Эверест, 2005. 631 с.)
29. **Veli Orhan.** Bütün Şiirleri. İstanbul: Yarı Kredi Yayınları, 2003. 247 s. (Вели Орхан. Все стихотворения. Стамбул: Япы Креди, 2003. 247 с.)

**GRAMMATICAL AND SEMANTIC RELATIONS
BETWEEN THE COMPONENTS OF THE MODELS OF PHRASES "ADVERB + VERB"
IN THE MODERN TURKISH LITERARY LANGUAGE**

Rustamov Rufat Ashraf oğly, Doctor in Philology, Professor
Gadzhieva Banovsha Niyaz kyzy, Ph. D. in Philology
Baku State University
b.haciyeva@mail.ru

The doctrine of the phrase in the Turkish language is a very complex multiaspect linguistic problem. Until now, the linguists haven't considered as an object of special study syntax of verb phrases, which are unique among other types of word combinations due to the complexity of the structure, the richness of grammatical meanings and abundance. The authors believe that the determination of the place and grammatical nature of verb phrases, as well as special and in-depth research of the structural types of verb phrases and the description of their grammatical meanings are very relevant problems of the Turkish linguistics. In this article on the basis of the actual materials of the Turkish language the authors give a general characteristic of this group of phrases, identify and describe their models, determine the ways and communication means of combined words in each model, reveal the semantic relations between the components of the verb phrases, analyze in detail their grammatical meanings.

Key words and phrases: syntax; verb phrases; Turkish; adverbialisation; adverb.